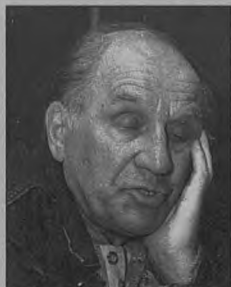


“Волков бояться — в лес не ходить”

Еще лучше есть реплика Наполеона: “Важно ввязаться в драку, а там — что бог пошлет”. Я придерживаюсь наполеоновской теории. А вообще нам нечего бояться. Пролетариату нечего терять, кроме своих мозолистых рук. А то как в анекдоте. Внук спрашивает у деда: “Дедушка, а правда, что революция с вас цепи сорвала?” — “Да, внучек, — отвечает дед, — вот здесь у меня были часы на золотой цепи, теперь их нет”.

“Много будешь знать — скоро состаришься”

Фигня. Мало будешь знать — скорее состаришься. А еще лучше есть пословица у итальянцев: “Стариков нужно убивать в детстве”. Кажется, что она звучит страшно, а на самом деле ее следует понимать так, что каждый человек должен ощущать себя ребенком до старости лет. И знания здесь ни при чем.

“Всяк кулик свое болото хвалит”

А чего? Чужое, что ли, хвалят? Только надо соображать, что у кого-то есть “болото”, где и камыши повыше, и ветер шумит помозыкальнее, и лягушки позеленее... Надо любить свое болото.

“Всяк сверчок знай свой шесток”

Нет, фигня. Это такая начальственная поговорка, чтобы поставить человека на место. Я никогда не позволял никакому начальству разговаривать со мною свысока, особенно раньше, когда начальство любило разговаривать с тобой снисходительно, сверху: “Ну, Дуров, ты замечательно играешь!” — и стучали по плечу. Я разворачивался и ударял гораздо сильнее, все пугались: “Как же так? Это же секретарь райкома!” А мне было начхать. Я никогда не был членом никаких партий и к тому же не выношу панибратства.

“Где тонко, там и рвется”

Вообще-то, да, только не в ролях. Там, если ты играешь тонко, то как раз это замечательно. А если играешь грубо, топорно, без настоящего психологического разбора, то и рвется. Или в живописи — замечательно написанное полотно никогда само не порвется. Я много лет люблю на “Шоколадницу” Лиотара, она вообще на листке пергамента написана, и на бумажке даже есть шовчик, так эта картина ни разу не порвалась. Хотя что там особенного: девочка в профиль и на подносе держит чашечку шоколада, а миллионы людей стоят и смотрят. Вот поэтому картина и не рвется.

“Голь на выдумки хитра”

Противная пословица. А почему обязательно голь? Что же ты себе на кафтан не заработаешь? Я очень не люблю нищих. Подую, конечно, но в душе знаю, что одетые в камуфляж — это совсем не афганцы. Да не пойдет афганец кланить, ведь есть артели для инвалидов, для слепых — можно работать. Мы сами стимулируем эту голь на выдумки. Нищенство, бомжи — это профессия, это образ жизни, который нравится некоторым людям. И это везде, во всем мире есть. Недавно я был в Нью-Йорке. Пожалуйста: Гарлем — грязь, срач, банки-склянки, сожженные дома, наркота. Через три метра — итальянский квартал: чистота, ресторанчики, серенады, запахи кофе, травка на газонах. А в Канаде этой голи платят пособие и ежедневно привозят матрасы, чистое белье, пожарить и выпить в пакетах, чтобы они не были социально опасны. Я не уважаю голь. После войны наши стали разбирать трофеи из Германии и увидели, что одежда, белье — все было в заплаточках. Аккуратные немцы очень следили за тем, чтобы не представлять собой голь. Да и наша аристократия в эмиграции жила в бедности, но никогда не опускалась до уровня голи.

“Доброе слово и кошке приятно”

Очень подходит к нашей профессии. Ведь все актеры очень самолюбивы, и, когда нас критикуют или громят, становится неприятно. Французский актер Жерар Филлип говорил: “Я никогда не читаю рецензий, так как слишком серьезно отношусь к своей профессии. Если меня ругают — меня это ранит и на какое-то время выбивает из седла. Если хвалят — мне это ничего не прибавляет”. Как ни странно, я от рецензий никогда не страдал. Критиковали косвенно, например, что снялся в плохом фильме, и Эфрос покойный однажды сказал (я тогда еще молодой был): “Ну что ты во всяком говне снимаешься?!” На что я ответил: “Анатолий Васильевич, босиком в метро не пускают”.

“Не в свои сани не садись”

Недавно, отдыхая у своих родственников в средней русской деревеньке, я стал случайным свидетелем такого разговора. Старуха отчитывала парня за то, что тот взялся точить косу, да плохо это сделал. Она ему: “Плохо поточил”. Он: “Нет, не плохо”. — “Плохо”. — “Не плохо”. И так они препирались минут десять, пока старуха окончательно не разозлилась, плюнула и сказала: “Не умеешь в воду пердеть, нечего и рыбу пугать”.

“С кем поведешься, от того и наберешься”

Чаще-то бывает по-другому: с кем поведешься, с тем и наберешься. Однажды я отдыхал в Ялте и, прогуливаясь, столкнулся с Юлианом Семеновым. Он схватил меня за руку и сказал: “Сейчас мы будем бегать трусцой”. И мы побежали медленно-меленько, взяв ориентир на палатку вдалеке. В палатке нас уже ждали: на подносе стояли два фужера с напитками — апельсиновый сок с чем-то сильно крепким. Юлиан сказал: “Это коктейль “Юлиан Семенов”. Мы выпили и побежали в обратную сторону. Маршрут мы повторили раз пять, нам сильно захорошело. И я спросил: “Может, хватит трусцой?” Он кивнул: “Ко мне” — и затащил меня к себе в номер гостиницы “Ялта”. Посередине комнаты стояла огромная зеленая кровать. Семенов уложил меня в постель, сам лег рядом и начал читать вслух главы своей новой книги о Столыпине. Это продолжалось три дня, было безумно интересно, и я не мог вырваться, чтобы предупредить своих, что все нормально и я лежу в постели у Юлиана Семенова.

“Назвался груздем — полезай в кузов”

Как-то известный английский актер и режиссер Питер Устинов предложил мне роль Льва Толстого. Поначалу я отказался — ну какой я Толстой? Но Устинов хлопнул меня по плечу и сказал: “Ты — Лев, он — Лев, так что все нормально...” Тогда я согласился попробовать грим, решив: буду не похож, и вопрос отпадет сам собой. Но когда мне прилепили усы, бороду и брови, все изумились — одно лицо! Даже провели эксперимент: показывали непосвященным две фотографии — самого Толстого и меня в гриме — и спрашивали: где не Толстой? Все тыкали пальцем в настоящего писателя.

Часть съемок проходила в Ясной Поляне. Мы выехали туда рано утром. Уже в гриме, костюмах. Опаздывали! Шофер гнал машину, и на одном посту ГАИ нас за превышение скорости остановил милиционер. Решив размяться, я вылез из машины. Испуганный гаишник взял под козырек, а я говорю: “Вот... Софья Андреевна умерла в эмиграции, а я решил вернуться на родину. Как вы думаете, отдадут ли мне имя?” — “Лейтенант замахал руками: “Отдадут, отдадут. Вам-то уж обязательно!” Рядом захохотал Питер Устинов. Он я нашелся: “Это мой слуга. Он не понимает по-русски”.

Вечером, возвращаясь со съемок, мы застали на этом посту целый пикет. Оказывается, разыгранный мной утром гаишник стал звонить по инстанциям и возмущаться, почему великий Лев Толстой путешествует без сопровождения и без охраны. У него спрашивали: какой Толстой? А он кричал: “Писатель! Помните, у него в романе женщину поездом задавило”.

“Дорога ложка к обеду”

Когда нет обеда, зачем ложка?